

Манкиева Эсет Хамзатовна

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЧЕРКЕШЕНКИ В ПОЭМЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА "КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК"

В работе представлено современное прочтение одной из ранних поэм М. Ю. Лермонтова, которая имеет связь с пушкинской традицией и в которой создан психологически цельный и законченный образ женщины-горянки. Автор уделяет особое внимание месту этой героини в системе персонажей, ее роли в сюжете и композиции романтической поэмы. Выявляется смысл и значение образа, идейно-художественная и эстетическая стороны явления "девы гор". Поэма М. Ю. Лермонтова рассматривается на фоне русской и зарубежной романтической традиции. Автор прослеживает характерные аналогии с творчеством А. С. Пушкина, Дж. Г. Байрона, учитывает влияние этих писателей на поэтику "Кавказского пленника". Анализ текста проводится на глубоком содержательном уровне, затрагивается как эволюция творчества М. Ю. Лермонтова, так и современный ему литературный процесс эпохи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 55-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В работе представлено современное прочтение одной из ранних поэм М. Ю. Лермонтова, которая имеет связь с пушкинской традицией и в которой создан психологически цельный и законченный образ женщины-горянки. Автор уделяет особое внимание месту этой героини в системе персонажей, ее роли в сюжете и композиции романтической поэмы. Выявляется смысл и значение образа, идейно-художественная и эстетическая стороны явления «девы гор». Поэма М. Ю. Лермонтова рассматривается на фоне русской и зарубежной романтической традиции. Автор прослеживает характерные аналогии с творчеством А. С. Пушкина, Дж. Г. Байрона, учитывает влияние этих писателей на поэтику «Кавказского пленника». Анализ текста проводится на глубоком содержательном уровне, затрагивается как эволюция творчества М. Ю. Лермонтова, так и современный ему литературный процесс эпохи.

Ключевые слова и фразы: романтизм; романтическая поэма; Байрон; Пушкин; Лермонтов; образ черкешенки; литературные влияния; художественная традиция.

Манкиева Эсет Хамзатовна, к. филол. н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
aset.mankieva@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЧЕРКЕШЕНКИ В ПОЭМЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»

Введение

Кавказоведческая тематика занимает важное место в творчестве выдающегося русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. В его лирических и лиро-эпических поэмах «Черкесы» (1828), «Кавказский пленник» (1828), «Каллы» (1831), «Аул Бастунджи», «Измаил-бей» (1832), «Хаджи Абрек» (1833-1834), «Беглец» (1839), «Мцыри» (1839), «Демон» (1841) воссозданы колоритные образы романтических героев – горцев и горянок Кавказа. Актуальность темы предопределена тем, что «в большинстве случаев мужское пространство создает контуры официальной культуры социума, тогда как женская субкультура пребывает как бы в тени» [3, с. 4].

М. Ю. Лермонтова по праву можно назвать мастером психологического портрета, подлинным «живописцем», который при описании персонажа конкретизирует не только его наружность (фигура, рост, лицо, костюм), но и его внутренний мир, его «психею». Следует отметить, в этом русский поэт пошел дальше своих учителей – западноевропейских романтиков, которые в основном следовали условным канонам художественного изображения «восточных красавиц», используя стереотипный арсенал атрибутивных признаков («мраморная кожа», «сахарные уста», «лебединая шея» и т.п.). М. Ю. Лермонтов, знавший Кавказ «изнутри», не понаслышке очень рано освобождается от романтических штампов, все больше и больше добавляя реалистических элементов в описание «чужестранок Кавказа».

В данной статье не затрагивается поэма «Черкесы», поскольку в ней нет женских персонажей, а также поэмы «Мцыри» и «Демон», действие которых происходит в христианской Грузии, а не в горской мусульманской части территории Северного Кавказа. В центре исследовательского внимания – поэма «Кавказский пленник», созданная Лермонтовым в четырнадцатилетнем возрасте и прямо ориентированная на одноименную пушкинскую поэму.

Здесь наблюдаются очевидные интертекстуальные переключки с поэмой А. С. Пушкина «Кавказский пленник» [8]. Как пишет современная исследовательница Т. А. Алпатова, «сходство наблюдалось не только в сюжетах поэм – соотносимые сюжетные элементы в них, как правило, соизмерялись Лермонтовым по структуре, объему стихового материала, нередко представляли собой чуть перефразированные пушкинские строки...» [7, с. 759]. Литературоведы справедливо отмечают, что «Лермонтов-отрок не только подражал любимым писателям; в «Кавказском пленнике», несмотря на явную зависимость от поэмы Пушкина, он дает много оригинального, он порою успешно преодолевает книжные влияния» [9, с. 739]. У Лермонтова прослеживается оригинальный поворот в обрисовке центральных героев, хотя они внешне схожи с пушкинскими. Художественная трактовка их судеб также носит иной характер. Основная же трансформация прототекста сводится к тому, что меняется индекс гендера, другими словами, героиня, несмотря на подчеркнуто «мужское» название текста, выходит на передний план, заслоняя собой фигуру мужчины. Наша задача – выяснить, кто из персонажей *лично* (психологически, эмоционально) ближе Лермонтову в его поэме – Пленник или Черкешенка.

Сначала рассмотрим внутренний мир героини. В трактовке А. С. Пушкина Черкешенка своей цельностью, твердостью характера, действенностью и способностью любить настолько превосходила Пленника, что поэму, по словам самого Пушкина, «приличнее было бы назвать «Черкешенкой»» [1, с. 32].

Привлекательными женскими чертами наделена Черкешенка и в лермонтовской поэме. Описывая ее облик, автор использует весьма экспрессивные эпитеты «немая жалость», «черкешенка младая», «заботливая рука», «порывистая душа» и др. О многом говорит и выражение «невольник милый», которым она передает свое сострадательное отношение к славянскому узнику.

Приведенное здесь описание душевного облика героини свидетельствует о глубокой *гуманности* ее сердца, побуждающей, с невероятным риском для себя, утешить неведомого ей страдальца, с которым ее сближает только юность. Сделанное в следующей строфе авторское сообщение о том, что героиня «Четверту ночь к нему ходила / <...> и пишу приносила; / Но пленник часто *все молчал*, / Словам печальным *не внимал*...» [6, с. 604] (*курсив автора статьи* – Э. М.), показывает неабстрактный характер гуманизма горянки, стремящейся поддержать «дух и тело» Пленника.

В «кавказоведческой» литературе отечественных романтиков мотив любви горянки к пленнику встречается довольно часто. Любовь Черкешенки к русскому Пленнику – в этом же ряду. Поэтика высокого романтизма не исключала, а даже предопределяла психологическую обоснованность и убедительность внезапной сердечной страсти. Байрон именно так изображает, в частности, любовное чувство Гульнары к Конраду в «Корсаре», Паризины к двадцатилетнему Уго, внебрачному сыну ее мужа князя Адзо, в поэме «Паризина» или Франчески Минотти к Альпу в «Осаде Коринфа». Пушкин в своем «Кавказском пленнике» возможность любви героини к иноземцу и иноверцу обуславливает и сходством зависимых положений обоих, и душевной пылкостью девушки, и равнодушием к ее ласкам со стороны русского Пленника, не познавшего ответного чувства со стороны русской возлюбленной.

Лермонтовский же Пленник, в «родной стране» оставив любимую и любившую его женщину, верен ее «вечно милому» образу и в плену. В отношениях же с Черкешенкой он желал лишь «благодарным быть»: «...сердца своего / Не мог открыть... // И слезы девы черноокой / Души не трогали его...» [Там же, с. 605], и на ее «отчаянный призыв» к нему в их последнем свидании он проявил лишь вежливое сострадание. Таким образом, героиня Лермонтова в своей страсти к Русскому обречена на безответную любовь, за которой, однако, стоит огромное чувство женской, почти материнской, жалости к невольнику.

В художественной интерпретации М. Ю. Лермонтова Черкешенка – глубоко трагический образ, раздираемый противоречивыми чувствами. Она преисполнена глубокой любви к Пленнику, но в то же время, зная, что он уже принадлежит другой, внутренне отказывается от «присвоения его себе». Движениями ее души руководит некий «категорический императив», отделяющий должное от недолжного, нравственное от безнравственного. Юная горянка смирилась с неотвратимостью сердечных мук, ей важно сохранить чистоту своей безгрешной души, в прощальных словах она просит возлюбленного лишь о том, чтобы он хоть изредка вспоминал ее.

Случилась трагедия. Не в силах пережить коварство отца и собственную косвенную вину в смерти любимого мужчины, Черкешенка бросается в Терек. Именно в этом акте мотивированного самоубийства образ Черкешенки обретает подлинную художественную убедительность, женское и человеческое величие, в котором юный Лермонтов, состязаясь со своим учителем Пушкиным, думается, творчески равняется с ним. Своей смертью она знаменует абсолют любви, а также протест против насилия над людьми в результате войн.

Сцену гибели прекрасной Черкешенки А. С. Пушкин в своем «Кавказском пленнике» описывает в рамках романтической эстетики, прибегая к иносказательности природных образов. Здесь множество визуальных и аудиальных образов, призванных подчеркнуть трагические обстоятельства, в равной степени присутствующие в природном и социальном мире: «волны зашумели», «отдаленный стон», «опененные брега», «ветра легкий звук», «струистый круг». Атмосфера трагизма усиливается фаворитным для западноевропейских романтиков образом «лунного света», выхватывающим из ночной тьмы сцену прощания Черкешенки с миром живых.

Вслед за Пушкиным и Лермонтов избегает натуралистических описаний смерти главной героини. Он рисует скорбную картину, в первую очередь, подчеркнутой экспрессией восклицаний и резких зрительных, слуховых, психологических диссонансов, призванных глубоко взволновать читателя. Отличительной чертой лермонтовского описания заключительной сцены является использование внутреннего монолога, объективирующего интенсивное состояние героини, умирающей с именем возлюбленного на устах. Обилие риторических вопросов и восклицательных знаков также подчеркивает самоанализ рефлексирющей героини. Исследователи, давая оценку многочисленным моральным мотивам, связанным с водной стихией в романтической литературе, отмечают: «Наделение архаичным горцем “воды” отрицательной коннотацией обусловлено тем, что “вода”, будучи тяжелой материей, запрограммированно стремится вниз, находясь в “перпендикулярном” отношении с горской философией вертикали» [5, с. 187].

Образ Пленника: место и роль в сюжете

Лермонтовский Пленник не является модификацией байронического героя и преступника в одном лице типа Конрада («Корсар») или Гяура, которого над злыми низшими силами поднимает «сила его любви и страдания». И не предшественник так называемых «астральных» героев – Демона, Азраила, Ангела смерти, несущих на себе бремя надмирной вины, из позднейших одноименных поэм. И не «последний сын вольности», как легендарный новгородец Вадим, действующий в стихотворной «повести» (1830 г.) Лермонтова под сходным названием, или заглавный герой байроновской «Лары», возглавивший восстание крестьян против «ленного гнета» [3].

Образ Пленника, созданного М. Ю. Лермонтовым, – невинная жертва враждебной ему судьбы и рокового стечения обстоятельств, сначала занесших его на Кавказ, а затем предавших аркану черкеса Гирея. Даже у суровых пленителей он своей беззащитностью вызывает сострадание, и они «...из сожаленья / Младого русского спасли; / Его к товарищам снесли» [6, с. 602] (*курсив автора статьи – Э. М.*). Сожаление и утешение – таковы главные эмоции, вызываемые узником и у других действующих лиц поэмы, его друзей по несчастью – захваченных горцами русских *солдат* и *офицеров*.

Хотя лермонтовский Пленник и напоминает пушкинского общей для них обоим пассивностью, все же герой Лермонтова вместе с тем противостоит двойственному и противоречивому герою Пушкина как личность последовательная в действиях и по-своему цельная. Он, в отличие от Пленника пушкинского, является медиатором авторского сознания, которое заимствуется в поэму из отроческой лирики поэта. Суть же его в отвлеченно-романтическом представлении Лермонтова о своем «уделе» как «предопределенной свыше роковой доле, которой невозможно избежать» [5, с. 256].

Именно этим, на наш взгляд, обусловлен резко отличный от пушкинского финал лермонтовской поэмы, когда герой-протагонист, уже одной ногой ступивший в мир свободы, неожиданно для читателя гибнет от воистину неотвратимой пули. Фактически он сам себе предсказал эту трагическую кончину, отвечая

обнадеживающей его Черкешенке: «Ах нет! – оставь восторг свой нежный, / Спасти меня не лстись надеждой; / Мне будет гробом эта степь...» [6, с. 606].

Маскулинный образ стал ключевым героем поэмы «Кавказский пленник» еще и потому, что являет собой “second-self”, второе *Я* молодого Лермонтова. Недаром так заметно антропологическое сходство между личностью самого поэта и его протагонистом, в особенности выразительность глаз («Тут вдруг поднялся он; блеснули / Его прелестные глаза, / И слезы крупные мелькнули / На них как светлая роса...» [Там же, с. 605]). Кстати, во внешности Черкешенки поэт также фокусирует внимание на глазах («Слезы девы черноокой»).

Своеобразие романтической трактовки образов у Лермонтова

В поэме «Кавказский пленник» Лермонтов-романтик отказался наделять, по примеру Пушкина, своего героя еще неведомой ему «преждевременной старостью души» и создал в его лице *романтически* выдержанный и в этом смысле *удачный* характер. Другое дело, что по причине «чрезвычайной юности» его «прототипа» – самого *четырнадцатилетнего* поэта – он оказался довольно абстрактным, хотя даже эту абстракцию он стремится одухотворить кавказскими реалиями как предметной, так и психологической сфер.

Однако свой творческий спор с Пушкиным, по нашему убеждению, Лермонтов осуществил вполне достойно, и его поэма была, как мы считаем, не подражанием пушкинской, а именно художественным спором с нею. Имеем в виду принципиально важный для творца «Смерти Поэта» акцент на *трагичности* героев. Именно в данном аспекте все они – и погибшие Пленник, Черкешенка, и даже ее жестокий отец, что «с улыбкой злобной» и «волку хищному подобный» «ногою гордой попирает убитого» им Русского, – в художественной интерпретации Лермонтова в конечном счете равно трагичны. Ведь и отцу, фактическому палачу своей *дочери*, не избежать страшного отчета перед своей семьей, соплеменниками, и главное – собственной совестью. Такая сердечная мука, дорастающая до уровня «мировой скорби», роднит его с байронскими героями, в том числе с Манфредом, признающимся, что «жизнь гнетет, как иго, как ярмо, // Как бремя ненавистное, и сердце // Под тяжестью его изнемогает» [2, с. 290].

Заключение

Проведенное нами исследование показывает общность человеческого мышления, за которой стоит общность литературных архетипов, сходство сюжетики, концептуальная близость экспрессивных средств. Но вместе с тем каждый художник в трактовку «вечных тем» привносит собственное видение, продиктованное запросами исторического времени, национальными традициями и творческой индивидуальностью художника. В данной статье, исследуя особенности поэмы М. Ю. Лермонтова «Кавказский пленник», мы отметили влияние на молодого автора его литературных «учителей» – английского романтика Дж. Г. Байрона и соотечественника А. С. Пушкина. Начинаясь поэт многое перенял у своих наставников в плане «крупных мазков» (тема, сюжет, проблематика), но во всех художественных деталях он действует по-своему, в меру своего все ярче проявляющегося безмерного таланта. В особенности данные качества обозначились в изображении образа северокавказской горянки – страстной, протестующей против насилия, неспособной жить без всепоглощающей любви.

Список источников

1. А. С. Пушкин о литературе / сост. и примеч. Н. В. Богословского. М.: Худож. лит., 1962. 590 с.
2. Байрон Дж. Г. Манфред. Драматическая поэма // Байрон Дж. Г. Избранное / сост., авт. послесл. и коммент. Р. Ф. Усманова. М.: Просвещение, 1984. С. 271-315.
3. Байрон Дж. Г. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1981. Т. 3. 500 с.
4. Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2013. 408 с.
5. Кучукова З. А. Карачаево-балкарская вертикаль. Нальчик: Эльбрус, 2015. 302 с.
6. Лермонтов М. Ю. Кавказский пленник // Опальные: русские писатели открывают Кавказ: антология: в 3-х т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 601-607.
7. Лермонтовская энциклопедия / под ред. В. А. Мануйлова. М.: Советская энциклопедия, 1981. 784 с.
8. Пушкин А. С. Кавказский пленник: повесть // Опальные русские писатели открывают Кавказ: антология: в 3-х т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 394-401.
9. Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе // Опальные русские писатели открывают Кавказ: антология: в 3-х т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 732-826.

PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF CIRCASSIAN GIRL IN THE POEM BY M. YU. LERMONTOV “THE PRISONER OF THE CAUCASUS”

Mankieva Eset Khamzatovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
aset.mankieva@mail.ru

The study introduces modern interpretation of M. Yu. Lermontov's early poem which is associated with Pushkin's tradition and presents psychologically coherent and perfect image of a mountain woman. The author analyzes in detail the place of this heroine in personage system, her role in storyline and composition of a romantic poem. The paper identifies the meaning and importance of this image, discovers ideological-artistic and esthetic aspects of “mountain maiden” phenomenon. M. Yu. Lermontov's poem is examined in the context of Russian and foreign romantic tradition. The author draws parallels with A. S. Pushkin's, G. G. Byron's creative work, considers the influence of these writers on the poetics of the poem. Text analysis is implemented at the deep meaningful level; it considers both the evolution of M. Yu. Lermontov's creative work and the literary process of his epoch.

Key words and phrases: romanticism; romantic poem; Byron; Pushkin; Lermontov; Circassian girl image; literary influences; artistic tradition.